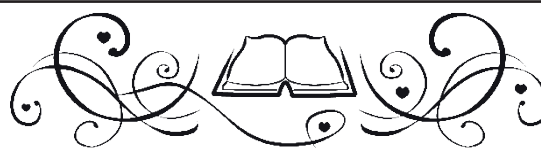

САФОНОВСКИЙ РАЙОН

**ОЧЕРК, ПОСВЯЩЕННЫЙ
ПАМЯТИ НИКИТИНОЙ КЛАВДИИ
АНТОНОВНЫ, УЧИТЕЛЯ
ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ
АЛФЕРОВСКОЙ ШКОЛЫ**

*Кадетова Наталья Евгеньевна,
учитель истории и обществознания МБОУ
«Алферовская ООШ» Сафоновского района
Смоленской области*

Когда человек взрослеет, то воспоминания о детстве крутятся в его голове кусочками калейдоскопа. Мы пытаемся вспомнить, найти моменты, вытащить их из дальних уголков уже повзрослевшего ума, который пережил немало потрясений, связанных как со счастливыми, так горестными событиями нашего жизненного пути. Воспоминания, словно вырезки из старых газет, мы тщательно оберегаем, храним «под стеклом», чтобы время не смогло их забрать у нас, превратить в прах. Когда человек в какой-то момент думает, что он заблудился, что у него ничего нет, его спасают воспоминания. Они его «спасательный круг».

Самые дорогие мне воспоминания связаны с моим детством, а точнее, с людьми, которые сделали его счастливым, наполненным, но, к сожалению, навсегда безвозвратным. У нас у каждого есть свои люди, с кем особенно связано наше прошлое, их лица навсегда впечатываются в память, а особенно в душу...

Я всегда думала, что она моя бабушка... То есть в моей голове даже не возникало мысли, что это в родственном плане совершенно не так. Такая безграничная любовь, которая исходила от бабы Клавы, навсегда стирала во мне эти границы понимания. Я помню только эту любовь, безмерное счастье, что я есть у нее. Ее карие

глаза всегда были наполнены светом доброты и какой-то необычайной терпимостью к моим маленьким детским шалостям.

Дом бабы Клавы был для меня родным. Я любила его всем сердцем. Он мне казался таким светлым и просторным, а еще врезался в память стеллаж с книгами. Почему через столько лет я вспоминаю его с душевной ностальгией? Наверное, он мне просто нравился...

- Баба Клава, а почему сначала идут зеленые книжки, потом коричневые, а там красные? Это так для красоты?

- И для красоты тоже, - улыбалась баба Клава. - Вот вырастешь, научишься читать, я тебе их подарю.

- А что, можно столько прочитать?! Баба Клава, я вообще не умею читать.

- Научишься, в школу пойдешь, там тебя научат!

- Баба Клава, ну откуда ты знаешь! - как всегда болтала я, не понимая, что когда-нибудь я, действительно, окунусь в этот кладезь литературного мира.

Клавдия Антоновна была прекрасным и уважаемым педагогом, доброй, отзывчивой, великолепной. Она всегда улыбалась, была очень жизнерадостной, я бы даже сказала, что она была влюбчивой в жизнь. Мои воспоминания о ней никогда не омрачились, ведь она дарила мне только

любовь, она подарила мне самое счастливое детство, самые лучшие моменты, которые я до сих пор вспоминаю с улыбкой на лице...

– Наташка, спой нам песню «Ветер с моря дул...».

– Нет, Баба Клава, я стесняюсь!- набивала себе цену я. Все сильнее и сильнее, раскачиваясь на качелях.

– Давай, Наташка! Пой! У тебя так хорошо получается! - просила баба Клава.

Получив свою порцию поддержки, я пела. Пела, в первую очередь, для тебя, баба Клава, ведь мне так нравилось, когда ты садилась на лавку возле лип, слушала мои песни и тихонько подпевала мне, ты не скрывала, что горда мной, ведь тебе и вправду нравилось, как я пою.

А качели! Разве можно забыть эти качели! Мои качели! Дядя Толя всегда их подделывал для меня, даже после того, как тебя не стало, баба Клава! Мне сейчас почти тридцать, я взрослая женщина, но до сих пор почти каждый летний вечер возле дома, сидя на качелях, я пою, и это прекрасно...

Иногда мне казалось, что люди как-то странно воспринимают наш тандем с бабой Клавой, для некоторых из них было странно, что так можно привязаться к чужому ребенку. Возможно, не всем дано было понять нашу связь. Бывало, что мне в лицо говорили, что Клавдия Антоновна для меня чужой человек и не стоит так капризно вести себя по отношению к ней. А я не понимала, о ком они говорят, ведь для меня не существовало Клавдии Антоновны, для меня существовала исключительно моя баба Клава.

– Наташка, иди... - я бежала, ведь, когда приходили гости, мне всегда баба Клава наливала полрюмочки черноплодного вина.

– Клавдия Антоновна, ну что вы?! Нельзя ее так баловать...Клавдия Антоновна! - журили бабу Клаву гости.

– Пускай, пускай!- отмахивалась рукой Клавдия Антоновна

Я, едва дотягиваясь до высокого стола, брала маленькую рюмочку, выпивала сладкий слегка побродивший сок и радостно уносила мерить бабины Клавины туфли,

ночные рубашки, платья. Затем, примерив наряд, вертелась возле большого зеркала, висевшего на большом гардеробе.

Я прыгала, как маленькая обезьянка, вставляла красивые пуговицы в уши, представляя, что это шикарные жемчужные серьги, мазалась кремом для рук и душилась одеколоном.

Из кухни на меня каждый раз неодобрительно посматривали гости, пытаясь уверить бабу Клаву, что она слишком много дает мне воли. Но моя защитница, ни разу не поддавалась на их провокации только улыбалась и приговаривала: «Пускай! Пускай!»

Мы не только праздно проводили время с бабой Клавой, она учила меня труду. У нее было такое корытце из нержавеющей стали, и мы с ней в нем стирали. Она показывала мне, как правильно намыливать и затирать пятно, как правильно выжимать, а потом мы ходили на речку и с мостика полоскали белье.

А парк, как же я его люблю... Мы с бабой Клавой часто ходили убирать памятник...

– Баба Клава, а почему у нас в парке стоит солдат? - интересовалась я.

– Потому что он герой, он защищал нашу Родину от врагов, когда была война. Но здесь не один солдатик похоронен, а много. Видишь, на плитах написаны их имена?

– А тут же одна могила, как их много здесь похоронено?!

– Вот так, земля всех принимает, всем дает покой!- баба Клава перекрестилась.

– А мы должны убираться, чтобы им было видно, что здесь чисто, они же нас с неба видят? - наивно спрашивала я.

– Конечно, они радуются, что мы о них не забываем!- грустно улыбнулась мне баба Клава...

Каждый раз перед сном мы крестились с бабой Клавой. Она читала «Отче наш», я залезала на мягкую перину под теплое одеяло и наблюдала, как она так быстро шепчется сама с собой, а потом ложилась ко мне и гладила по голове или ручке, пока я не засну.

Ночью я иногда просыпалась и просила бабу Клаву принести что-нибудь поесть. Она, полусонная, вставала, брала печенье и подогревала кружку молока. С большим удовольствием я все съедала и укладывалась спать до утра.

Я всегда помню, как просыпалась от скрежетания ручки колодца. Я вставала, выбегала босиком на крылечко, рядом с которым стояла будка Дика. Он радостно меня приветствовал, тыкался своим носом в мою ладонь. Я гладила его по длинной рыжеватой шерсти, а затем кричала: «Баб Клав, я встала, что поесть?»

Баба Клава выходила из сарая, где только что кормила кроликов, кур и поросят, улыбалась мне, и мы шли завтракать. Я просто обожала, когда баба Клава в русской печке пекла пышки. Самые вкусные на свете! Мне кажется, я никогда не забуду их.

Однажды, когда я гуляла возле соседского дома, на меня вдруг начало падать тракторное колесо, которое стояло рядом с собачьим вольером. Единственное, что я так ярко запомнила, как я лежу под тракторным колесом, задыхаюсь, пытаюсь позвать кого-нибудь, но не могу, голоса нет, я не понимаю, что меня так сдавило, что, пролежи я там еще бы некоторое время, я бы погибла.

– Вот есть ангел-хранитель, спасла розовая шапка, а то бы... - баба Клава утирает слезы, которые катятся у нее из глаз.

– Не, говорите, Клавдия Антоновна, вот что бы мы делали, если бы поги... – мама тоже начинает пускать слезы...

Я сижу в гипсе со сломанной ногой и начинаю огрызаться:

– Замолчите! Хватит уже, не хочу слышать! Я ничего не слышу! – я затыкаю уши и начинаю кривляться, мне не хочется слышать это страшное слово – УМЕРЕТЬ.

Каждый раз, когда было какое-то застолье, баба Клава вспоминала, о том, что я чуть-чуть не погибла, и каждый раз я не хотела это слушать. Не потому, что было неприятно, а из-за того, что мне было страшно представить хотя бы на секунду, что это - правда, ведь меня на самом деле могло

больше и не быть...

Мы с бабой Клавой часто ходили в гости. Мне вообще в целом нравилась праздничная обстановка. Люди ели, пели песни, много смеялись. Еще я помню день рождения бабы Клавы, и самое забавное, что у меня в памяти остался подарок ей от меня. Это была картина с девочкой в зеленом платье, которую сама баба Клава мне и подарила незадолго до этого дня. Не знаю почему, но решила я сделать именно такой подарок.

Баба Клава, как всегда, улыбалась, она светилась. Все соседи сидели за столом, пели песню: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». Я старалась подпевать, подстроиться под мотив общих голосов...

В июле 1999 года в моей семье произошли перемены - погиб отец. Клавдия Антоновна помогала моей матери, водила меня на подготовку в школу, учила читать и считать. Каждый раз, встречаясь со знакомыми учителями, приговаривала: «Ой, мне бы Наташеньку в школу проводить!..»

В сентябре я пошла в первый класс, меня нарядили, завязали бант во всю голову. Друзья нашей семьи и соседи Перовы подарили мне рюкзак со школьными принадлежностями, нарвали огромный букет гладиолусов. Всем миром собрали и отправили первый раз в первый класс...

В октябре этого же года бабы Клавы не стало... Она выполнила свою миссию - «проводила Наташеньку в школу», а как же мне хотелось, чтобы она «проводила меня замуж», но, увы, этому не дано было случиться...

Уже давно я хотела написать очерк, посвященный памяти Никитиной Клавдии Антоновны, но не могла найти подходящую минуту, ведь то, что касалось воспоминаний, всегда поднимает в душе шквал эмоций. Каждая моя строка – это откровение души, души преисполненной благодарности за любовь, которую подарила мне, эта дорогая моему сердцу женщина. Спасибо за самое счастливое детство!